

Интересно, что бы обо мне сказал Державин

Ирина ЕРМАКОВА — автор четырех книг стихов, лауреат премии журнала "Арион".

Скоро в издательстве "Время" выходит ее новая книга.

Накануне презентации мы встретились с Ириной и побеседовали о современной поэзии.

— Ирина, о вас в Интернете и прессе нет почти никакой информации. Все, что я сумела найти, — так это что вы родились в Керченском проливе...

— Это правда, как бы странно это ни звучало. Мои родители окончили МИИТ, факультет "Мосты и тоннели" (потом его же окончили и я, и мой брат, и дядя, и муж) и в качестве молодых специалистов приехали строить мост через Керченский пролив, который должен был связать Крым и Кавказ. В 1943 году его построили немцы, а отступая, взорвали. После войны советские строители задумали создать самый большой мост в Европе, но начали с временного варианта: один пролет построили с керченской стороны, один пролет — с крымской, а между ними пустили паром. Он ездит до сих пор, как говорится, нет ничего более постоянного, чем временное... Когда я родилась, отец был в армии, а мама дежурила в ночь на кавказской стороне. Роддом находился в Керчи, и маму в срочном порядке стали переправлять обратно, но на полпути катер заглох, мужественный моторист принял меня в телогрейку, затем починил катер, отвез нас с мамой на берег, поймал грузовик и отправил в роддом.

— Море и вдохновило на ранние поэтические опыты?

— Я писала в детстве стихи и в юности писала, но себя тогдашнюю поэтессой ни в коем случае не считала. Это было самое обычное дело — писать стихи, и мама их писала, и бабушка, и все одноклассницы... Прошло много лет, прежде чем я поняла, что пишу по-настоящему и что от этого мне уже никуда не деться. А вообще я отработала по специальности в конструкторском бюро 12 лет. Я хотела поступать в ЛГУ на филфак, очень хорошо училась в школе и мечтала о литературе. Но папа строго сказал мне: "И кем ты будешь? Я не возражаю, но сначала закончи МИИТ". Я не могла ему перечить. И таким образом моя жизнь при жизни разделилась на две — инженерную и литературную. Я занялась литературой в том возрасте, когда принято уже стреляться или, в лучшем случае, выпускать первое собрание сочинений.

— Занялись литературой... Сегодня это звучит, пожалуй, даже несовременно. Занимаются бизнесом, а стихи пишут для души.

— Сейчас поэзия — для меня самое главное, что может быть в жизни. Сегодня существуют сетевая литература и традиционная бумажная, я для себя эти понятия не разграничиваю. И там и там публикуется замечательная поэзия. Вообще для меня профессиональное занятие литературой — это ощущение внутри себя постоянного поэтичес-

И.Ермакова

кого напряжения, а не участие в каких-либо "тусовках". Вы меня, наверное, спросите про премию журнала "Арион" и вообще литературные премии... Сами по себе они, конечно, никакого влияния на литературный процесс не оказывают, но здорово помогают начинающему автору. Вообще тем, что мое имя стало известно, я благодарна именно "Ариону". Мне было 45 лет, когда состоялась моя первая полноценная публикация. Возможно, я сама виновата в столь затянувшемся дебюте: человеку по природе своей неактивному, мне было дико представить, что я кому-то понесу свои стихи и скажу: "Напечатайте, пожалуйста". Сейчас мои стихи переведены на несколько языков, меня приглашают на радио, просят дать интервью. И знаете, какой самый первый вопрос обычно задают? Спрашивают, кем я себя больше ощущаю — поэтом или поэтессой.

— Я тоже, конечно, спрошу о том, существует ли женская поэзия и каково женщине быть поэтом...

— В поэзии не бывает градаций, тем более по половому признаку. Не бывает женской поэзии или, скажем, рок-поэзии. Безусловно, есть стихи, написанные женщинами и мужчинами. Я больше скажу: самое неприятное впечатление — стихи, которые кажутся бесполными. Многие пробуют экспериментировать с полом, в наше время это так принято и модно! Но мне кажется, здесь должны включаться механизмы самоограничения, заигрывать опасно. А на ваш вопрос отвечу: я чувствую себя воином. Воином любви и поэзии, который сражается за гармонию. Как бы пафосно это ни звучало, я глубоко убеждена в том, что, только когда люди начнут себя любить и других, их проблемы решатся.

— Разве это возможно?

— А вот представьте: вы встали утром, побежали на работу и вдруг понимаете, что что-то не так. И вы понимаете: лица! Лица другие — не напряженные, не злые, а умиротворенные и спокойные. Цель-то у нас всех одна — жить достойно.

— И поэзия может этому научить?

— Я верю в это. И изо всех сил стараюсь, чтобы так было. Изме-

ниться можно только изнутри. Я напишу стихотворение, кто-то его прочитает, возможно, оно окажется ему настолько созвучно, что он не много иначе взглянет на мир...

— Сейчас часто говорят о расцвете поэзии. Вы согласны с этим утверждением?

— Я считаю, что версификация действительно сейчас достигла своего расцвета. Хотя бы статистика об этом свидетельствует: в только начавшемся XXI веке издано 15 тысяч поэтических сборников. Столько было издано за весь XX век. Конечно, трудно дать оценку всем этим пятнадцати тысячам... Знаете, говорят, каждый второй в России пишет стихи и каждый третий пытается их напечатать.

— Можно ли быть услышанным в таком многоголосии?

— Это, бесспорно, очень трудно. И если бы я занималась отбором поэтов для какого-нибудь сборника, скажем, конечно, отдала бы предпочтение молодым. А то приходит какая-нибудь тетка вроде меня и приносит свои первые стихи. Мыслимо ли это? Да просто смешно! Но, слава Богу, не я возглавляю поэтический журнал, не я распределяю премии. Есть неисповедимые пути, и тот, кто достоин быть услышанным, будет услышан. Есть огромный пласт людей, моих сверстников, которые начинали-то вовремя, но все это время не могли пробиться. И пробились, только когда кончился Советский Союз. Им требовалась свобода.

— А знания поэту нужны? Критики в один голос восторгаются вашей эрудированностью. В своих стихах вы очень часто обращаетесь к образам классической культуры, цитируете самые разные произведения литературы.

— Это все самообразование. У меня была потрясающая бабушка. В нашем поселке под Керчью, совершенно разрушенной во время войны, не было ничего, даже воды. Но каждый день бабушка на память читала мне стихотворения, поэмы, прозаические произведения. Помню: вечером мы выключали свет (экономили электричество) и два часа всей семьей разговаривали. Мама прочитала наизусть мне сказки Пушкина, "Вечера на хуторе близ Диканьки", за античность отвечала бабушка, а по истории главным специалистом был папа.

— В общем, цитирование неизбежно?

— Любый поэт пишет не только в будущее. Поэт меряет то, что делает, по ярчайшим мастерам прошлого. Мне безумно интересно, что бы обо мне сказали Державин, Тютчев, Кузмин. Я уважаю многих современников, но интереснее мне великие предшественники, и цитирование — это лишь попытка диалога с ними. Я убеждена, что Россия всегда будет страной поэзии. Залогом этому служит наш язык, живой, подвижный, богатейший. И это такое счастье, что мы сидим сейчас с вами и разговариваем именно на русском языке!

Беседу вела
Анна МАРТОВИЦКАЯ

Кувшинская — 13-19 века — 13-19 века — 13-19 века